

РАЗМЫШЛЕНИЯ О «СОВРЕМЕННОМ СТИЛЕ»

СОВЕРШАЕТ ЛИ БОГ СВОЙ ТРУД В МИРЕ ЧЕРЕЗ профессионализм, или же мы своими умениями скорее мешаем действию Его благодати? Как «богословие креста» опровергает популярный взгляд на благовестие? Каким образом христиане по исповеданию становятся атеистами на практике? В статье рассматривается вопрос приемлемости «современного стиля», получившего распространение во многих евангельских церквях бывшего Советского Союза. Производится анализ богословия провозглашения апостола Павла, как основополагающего принципа его подхода к благовестию, изложенного в Коринфской переписке. Поднимаются вопросы богословской правильности современных методов евангелизма, а также надежды на Бога, верности провозглашению и подлинной духовности. Цель работы – обратить внимание на проблемы современных методов и форм служения церквей.

Смена курса

◆ Евангельские церкви в течение последних двадцати-тридцати лет претерпевают значительные изменения. Конечно, перемены происходили и раньше, да и сам рассматриваемый предмет не нов. Однако теперь они приняли прямо-таки гротескные, причудливые формы, вызывая у одних радостный, революционный энтузиазм, у других ужас, у третьих недоумение и самые разнообразные прогнозы на будущее.

Речь идет о повсеместном распространении того, что можно назвать «современным стилем».¹¹ При этом затрагивается не только музыка и поклонение, это скорее движение по широкому внедрению в церковное служение современных, основанных на принципах маркетинга и психологии методов работы с людьми. Новые формы сегодня проникли туда, где раньше о подобном и представления не имели. Кто теперь не знаком с понятиями «работа в команде», «воспитание лидеров», «формирование видения» и, конечно же, «современный стиль поклонения»? Кто не встречал книг, переворачивающих все представление о том, что такое церковь? Кто не слышал о растущих бурными темпами «мегацерквях»? С каждым годом «современный стиль» принимает все более смелые формы, использует самые продвинутые технологии. Богослужения все больше становятся похожими на шоу. Пасторы стали профессионалами в вопросах менеджмента и планирова-

¹¹ К сожалению, хотя явление широко известно, приемлемого названия для него, похоже, не существует. В англоязычном мире наиболее распространенными являются понятия *emerging* (новый, проявляющийся) и *contemporary* (современный).

ния, определения целей и выработки стратегий.

Правильность такого подхода даже не обсуждается. Тот факт, что метод «работает», служит достаточным основанием для повсеместного внедрения. Меняется взгляд на основу основ – Библию. Группа апостолов стала

Меняется взгляд на основу основ – Библию. Группа апостолов стала командой, Новый Завет – пособием по лидерству, Павел – грамотным стратегом, Иисус – умелым маркетологом.

командой, Новый Завет – пособием по лидерству, Павел – грамотным стратегом, Иисус – умелым маркетологом. Вопросы богословия при этом не затрагиваются, как не относящиеся к делу. Да и вообще оно почти исчезло из виду в размытом понятии «внедоминационность», уступив место «практике», которая и считается единственно важной и нужной. Христиане стали сблизаться друг с другом не на основании того, кто во что верит, а по признаку схожести стиля работы. Робкие голоса, пытающиеся подвергнуть сомнению правильность такого подхода, либо игнорируются, либо подвергаются эмоциональной критике, сопровождающейся обвинениями в бесполезном времяпровождении вместо того, чтобы заниматься делом.

Церквам, не практикующим «современный стиль», предрекают скорое исчезновение. Утверждается перспектива, согласно которой, если церковь

не приспособится под особенности постмодернистского общества, то попросту погибнет. И это кажется вполне вероятным, учитывая едва ли не повсеместное ослабление консервативного христианства и уменьшение численности церквей классического типа, на фоне чего «современный стиль» выглядит особенно выигрышно.

Когда это началось?

◆ Можно было бы возвести истоки к «Движению за рост общин», именам МакГаврана, Вагнера и Шварца. Действительно, их идеи во многих церквях стали популярнее Библии. Можно было бы исследовать музыкальное наполнение «современного стиля» в калифорнийском движении Jesus People, вобравшем в себя так много от культуры хиппи. Но лучше задуматься о том, как и когда мы открыли двери этим идеям. Видимо, тогда, когда позавидовали успехам других. Когда захотели узнать их «секреты», и, следует отдать должное обладателям, они их не скрывали. Более того, предлагали щедрую помощь в виде книг, обучающих семинаров и конференций. Как оказалось, их церкви росли благодаря командам лидеров, умеющих передавать полномочия, зажигаемым богослужениям, развитой сети домашних групп, евангелизму, основанному на потребностях людей, и другим подобным достижениям.^[2] Созданию таких церквей предшествовало грамотное проведенное исследование и тщательная

подготовка, в результате чего на свет появлялись «ориентированные на общество», «целеустремленные», свободные от «ненужных, сдерживающих элементов» церкви, которые в считанные годы достигали весьма впечатляющей численности, вызывая всеобщее восхищение и, будем откровенными, зависть.

Именно в этом, а вовсе не в особой духовности, заключается притягательная сила «современного стиля». Успех и рост — идола нашего времени, которым приносятся все новые жертвы. Мы готовы поступиться убеждениями, принципами, многовековым наследием и здравым смыслом. Не сразу, конечно, но одну за другой сдавая позиции, особенно если на фоне такого ошеломительного успеха наши собственные результаты выглядят совсем уж скромными.

Нам и в голову не пришло задуматься, какое участие во всем этом принимает Бог. Слишком уж впечатляющим было их дело. Слишком жалким казалось наше. И вот, мы оказались в положении, когда большая часть славы, если не вся она, достается хитроумному методу, подходящей форме и, конечно же, находчивым людям, их применившим. Бог стал играть роль в худшем случае декоративного украшения церковной жизни, в лучшем — ее второстепенного участника. Чак Суиндолл ставит вопрос ребром:

Иисус никогда не говорил, что Его целью являются толпы. Он никогда

^[2] Более подробно об этом см. Christian Schwarz, *Natural Church Development: A Guide To Eight Essential Qualities Of Healthy Churches* (Carol Stream, IL: ChurchSmart Resources, 1998), 196. Шварц называет восемь признаков растущей церкви, указывая при этом на прямо-таки аксиоматическую необходи-

мость и незаменимость всех восьми, в то время как другие авторы обходятся четырьмя-пятью иными, отличающимися от таких у Шварца. См. напр. Norman Shawchuck, *Marketing For Congregations: Choosing To Serve People More Effectively* (Nashville: Abingdon Press, 1992), 37–38.

не предписывал вашей церкви расти. Никогда. Почему же на это делается такое ударение сегодня?.. Нам нужна толпа, чтобы почувствовать себя значимыми и любимыми.^[3]

Целью этой статьи не является возбуждение неприязни по отношению к сторонникам нового стиля. Они не те, с кем следует бороться. Их открытость и целеустремленность могут служить примером для подражания. Они с готовностью берутся за дело и трудятся, не жалея себя, служа укором многим ревнителям традиционности. В намерения автора не входит и защита церковей старого типа, в которых порой духовности отнюдь не больше. Вопрос в другом: насколько это угодно Богу, насколько соответствует Его Слову? Скажет ли Он в великий день продвинутым лидерам, широко применявшим для получения духовных результатов новейшие достижения светской науки: «Хорошо, добрый и верный раб»? Ведь именно в угождении Богу, а не в астрономических цифрах, заключается цель нашего служения.

Суть «современного стиля»

◆ Если попытаться выразить подход «современного стиля» одним словом, то это, пожалуй, будет «приспосабливание». Вот классический пример начала создания «мегацеркви». Будущий пастор с командой единомышленников ходят по району, в котором планируется создать церковь, звонят в двери и спрашивают: «Вы посещаете церковь?» Предположим, ответ: «Да». «Замечательно, — говорят организаторы, — так и про-

должайте». В следующем доме ответ: «Нет». «Почему?» — интересуются посетители. Затем записывают причины и задают последний вопрос: «Какой должна быть церковь, чтобы вы захотели туда пойти?» В результате создается церковь без факторов, отталкивающих секулярно настроенных людей. С помощью новой архитектуры, театральных элементов, определенной музыки приходящим дают понять, что то, чем занимаются в этой церкви, актуально и современно.

За таким подходом стоит убеждение, что человек ищет Бога, имеет внутреннюю расположенность к этому, но в традиционных церквях нет соответствующих условий, чтобы принять его. Это связано либо с их некомпетентностью, либо с приверженностью ненужным, умирающим традициям. Поэтому нужно изменить церковь, приспособить ее под современность. Следует отметить, что вопросы духовности при этом не рассматриваются. Считается, что церковь может быть вполне духовной и преданной Богу, ей недостает лишь одного: грамотного подхода. Ему и уделяется первостепенное внимание. Изображают, например, церковь, как телегу на квадратных колесах, которую тщетно пытаются сдвинуть с места служители. А в самой телеге — куча круглых колес. Что нужно сделать? Конечно, поменять колеса, то есть изменить внешний механизм. В этом вся проблема, а вовсе не в бездуховности или недостатке посвящения. Естественно, что вопросы учения при таком подходе становятся также второстепенными. В постмодернистском мировоззрении вообще едва ли есть много места для истины, главное — ощущение. Его и создают, приспосабливаясь под вкусы потребителя.

^[3] A Leadership Journal Interview with Chuck Swindoll, "The Problem with Pizzazz," *Leadership Journal* (Spring 2011): 24.

В этом суть «ориентированного на потребности евангелизма». Еще ничего, если эти потребности заключаются в удовлетворении первостепенных нужд: пищи, одежды, крова. Но в ход идут второстепенные и сомнительные потребности: «желание быть любимым», «реализация внутреннего потенциала», «потребность в общении», «надлежащая самооценка». Неверующий человек из грешника, нуждающегося в сокрушенном покаянии, становится потребителем, оценивающим «товар», исходя из собственной системы оценок. Чем лучше то, что предлагает церковь, подходит под его запросы, тем больше вероятность, что он в ней останется. Это и есть «круглые колеса».

Принято считать, и сторонники «современного стиля» постоянно об этом напоминают, что стиль и форма не имеет значения, и Библия ничего о них не говорит. Главное — содержание вестей.^[4] А в вопросе выбора метода ее донесения важно быть честным и не использовать безнравственных, манипулирующих технологий. Так ли это? Определенно нет. Библия говорит не только о сохранении истины, но и о формах ее донесения. Более того, этот вопрос поднимается величайшим миссионером и богословом, а именно апостолом Павлом в двух Посланиях: 1 и 2 Коринфянам. В содержании этих посланий можно увидеть краеугольный камень миссионерского подхода Павла, заключающийся в словах: «сила в немощи».

Наилучшее выражение этот подход получил в откровении, полученном

^[4] Стоит отметить, что и содержание вестей меняется, по крайней мере, за счет смещения акцентов. Например, на Божью любовь с Божьего гнева, на самоощущение «Ты особенный» вместо «Я прах и пепел». Кроме

апостолом свыше. Господь сказал ему: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:9). Внимательный взгляд позволит увидеть в переписке Павла с коринфянами, как он понимал суть вопроса методов и форм. Этот фундаментальный принцип отразился во всем служении Павла: в стиле его проповеди, производимом им впечатлении, его страдании и, наконец, в его богословии, которое одни называют «богословием креста», другие «богословием немощи», третьи — «богословием славы».

Богословие провозглашения апостола Павла

◆ Основополагающая идея, изложение взгляда Павла на форму и стиль его благовестия, находится в 1 Кор. 1:17-2:5. Стихи 1:17 и 2:1-5 образуют обрамление, обобщая главную мысль апостола. Стих 1:17 задает тему для рассуждения: *«Христос послал меня... благовествовать не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова»*. А 2:1-5 — это подведение итогов на примере создания церкви в Коринфе: *«Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости... чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией»*.

Проблема, обсуждаемая Павлом в главах 1-4 многогранна, однако в корне ее лежит разделение в Коринфе по вопросу предпочтений отдаваемых различным учителям. «Премудрость

то, если даже принять утверждение, что Библия ничего не говорит о формах, то не указывает ли это на то, что и нам не следует уделять им такого внимания, как это делается сейчас?

слова» — это, как гласит традиционное объяснение, греко-римская риторическая традиция, искусство произнесения речей.^[5] Вряд ли можно найти что-нибудь более популярное и востребованное среди «целевой аудитории» Павла. Дуэйн Литфин, которому принадлежит одно из лучших исследований в этой области,^[6] пишет:

усилия к достижению определенного вывода со стороны слушателей. Все зависело от его понимания аудитории, знания предмета беседы, умения говорить с великой силой и способности найти нужные, убедительные слова.

Коринф, будучи процветающим городом, не мог избежать всеобщего увле-

«Иисус никогда не говорил, что Его целью являются толпы. Он никогда не предписывал вашей церкви расти. Никогда. Почему же на это делается такое ударение сегодня? Нам нужна толпа, чтобы почувствовать себя значимыми и любимыми».

Обучение риторике представляло собой венец гуманитарного образования в древнем мире, и ораторы, ее плоды, становились кинозвездами тех дней. Жители первого века любили красноречие и превозносили тех, кто им владел. Это было их главное развлечение, распространенное по всей Римской империи.^[7]

Чем была риторика? Говоря кратко, ее можно назвать искусством убеждения. Целью оратора было так преподнести предмет своей речи, чтобы аудитория согласилась с ним. При этом отправной точкой риторическая теория считала систему убеждений данной группы. Перед оратором стоял вопрос: что слушатели уже принимают за истину, и как это можно использовать? Древний оратор стремился произвести анализ имеющихся возможностей для убеждения и затем направлял

чения. Есть свидетельства, что Коринф даже больше других городов был восприимчив к ораторскому искусству. Дэвид деСильва пишет:

Процветающий город привлекал артистов и философов, ищущих покровителей. Среди впечатляющих зданий внешний вид имел не меньшее значение, чем содержание их речей. Даже классические риторические теоретики делали акцент на важность позы, голоса и вообще сценического портрета.

Во время Истмийских игр, когда в Коринф стекались туристы, этих философов было далеко слышно, стоящих у храма Посейдона и старавшихся перекричать друг друга, в то время как их ученики дрались между собой. При этом толпы шумно ликовали, болея за своих любимцев, подобно тому, как теперь болельщики шумят на стадионах.^[8]

Однако даже если правы сторонники гностической или других теорий, то главная мысль вести Павла в 1 Кор. 1:17-2:5 от этого не меняется.

^[5] Существуют и другие толкования понятия «мудрость» в 1 Кор. Например, Ulrich Wilckens считает, что это сакральное знание гностиков. Впрочем, он сам признает, что традиционное толкование, поддерживаемое большинством экзегетов, подразумевает риторике. Риторическая теория, к тому же, подтверждается в 2 Кор 2:14–17, 10:10, 11:6.

^[6] Duane Litfin, *St. Paul's Theology Of Proclamation: 1 Corinthians 1-4 And Greco-Roman Rhetoric* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).

Есть и археологические находки. Например, в южной части города до наших дней сохранилась специальная возвышенность «бэма», построенная по примеру Римской «*Rostra*». Известна также «*Речь*» оратора Фаворинуса, рассказывающего о бурном приеме, оказанном ему коринфянами, так что они даже воздвигли в его честь бронзовую статую. Коринфяне любили красноречие, восхваляли его мастеров и с охотой исполняли роль аудитории.

Итак, мы имеем с одной стороны город, в котором публичные выступления пользовались большим интересом, а с другой — Павла, служение которого как раз и заключалось в публичном провозглашении. Кое-кто усмотрел бы в этом особый промысел Божий. Однако Павел категорически отверг риторический стиль. Он отказался от поиска «убедительных слов», с помощью которых мог бы насадить веру в коринфянах, а рассудил быть не знающим ничего, кроме распятого Христа.

И дело было не в греховности или безнравственности метода убеждения. Напротив, классическая риторика требовала верности избранному направлению, честности и непредвзятости. Но апостол видел в ней конфликт двух сил, которым невозможно было действовать одновременно. Литфин отмечает:

Это была сила риторического приспособления, в котором все зависело от оратора... Все, подобно перевернутой пирамиде, утверждалось на его личных способностях... Именно этой силы — силы греко-римской риторики — Павел избегал.

Он заключил, что неприемлемо для него полагаться на нее, поскольку при таком подходе результат напрямую зависел бы от его ораторских навыков, способности приспосабливаться к риторическим требованиям, умения манипулировать возможностями убеждения в данных риторических обстоятельствах, чтобы утвердить веру в слушателях. Вместо этого Павел ориентировался на совсем другую силу, источник которой — в Боге. Он считал Евангелие распятого Христа как раз той силой Божьей (1 Кор. 1:18, 24; Рим. 1:16), которая имеет убеждающую способность в себе самой. Павел не объясняет подробно, как действует эта сила, но просто утверждает свое намерение оставаться верным ей. Только так он мог быть убежден, что вера его слушателей будет продуктом этой небесной силы, а не его собственным творением.

Апостол, судя по всему, считал эти две убеждающие силы — силу оратора и силу креста — взаимоисключающими. Чтобы пользоваться одной, нужно было отвергнуть другую... Придя в Коринф, Павел принял (или, лучше, обновил) сознательное решение (1 Кор. 2:2) полагаться, насколько возможно, на силу одного креста, чтобы человеческий элемент убеждения не пересекся с духовной силой Бога. Он опасался, что в случае использования риторических приемов, он заглушит действие Евангелия и упразднит силу креста, насаждающую веру. Вот что он имеет в виду в 1 Кор. 1:17, когда говорит, что не мог проповедовать Евангелие «в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.^[91]

^[7] Duane Litfin, “*An Analysis of the Church Growth Movement*” (Reformation and Revival 7, 1998): 60.

^[8] David DeSilva, *An Introduction To The New*

Testament: Contexts, Methods & Ministry Formation (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press; 2004), 557.

^[91] Litfin. *St. Paul's Theology Of Proclamation*,

Павел сознательно отказался от практики, приносившей наилучшие результаты в его время. Он счел его неприемлемым не по причине греховности, поскольку, как мы видели, он был достаточно нравственен, не по причине собственной неспособности к нему, поскольку обладал этим умением или, на худой конец, мог бы подучиться. Причина была в краеугольном, основополагающем принципе, на котором он строил все свое служение. Как пишет Литфин:

Здесь апостол имеет дело с принципом, несравнимо более широким, чем собственно проповедь. С принципом, который он просто применил к своему служению проповеди. Это принцип настолько фундаментальный, что ему следовало бы определять всю философию нашего служения. Ориентированный на результат и на аудиторию подход, отвергаемый Павлом, мы все понимаем и принимаем как должное... Действительно, это так естественно для мира. Но это также подход к служению, который апостол, движимый собственным богословием, отверг именно по причине его «естественности» (1 Кор. 2:14). Это продукт обычного человекоцентричного мышления и образа жизни. А являясь таковым, он исключается из списка путей, пригодных для Бога. Более того, он чреват возможностью достижения ложных, «естественных» результатов.^[10]

Довольно распространенным возражением против этого является тот, как может показаться, несомненный факт, что Павел сам использовал риторичку. В качестве классического

191–192.

^[10] Litfin. *An Analysis of the Church Growth Movement*, 66.

^[11] Litfin. *St. Paul's Theology Of Proclamation*, 138–139.

риторического спора приводится 1 Кор. 15. Литфин мудро отмечает:

Не нужно видеть в Павле большего, чем можно было ожидать от интеллигентного образованного человека, который родился римским гражданином в Тарсе, говорил по-гречески, жил и вращался преимущественно в эллинистическом мире первого столетия, мире, в котором риторика и ораторское искусство были повседневными явлениями...

Образ жизни и мышления эллинистического мира довлел над ним, и он не мог полностью избежать его, как ни старался.^[11]

Еще в начале XX в. о том же писал наш соотечественник Н. Н. Глубоковский:

...для Савла было невозможно избежать впечатления окружающей языческой среды и он воспринимал ее влияние, хотя бы не прямо и не сознательно, или не по намеренному усвоению эллинизма.^[12]

В этом и заключается руководящий принцип: Павел не пытался выйти за рамки своего исторического контекста, не пытался сделать свой стиль непонятным для современников. Но, пользуясь миром сим, он был как не пользующийся. Привнося в свою речь естественные для того времени риторические элементы, он делал это не целенаправленно. Зато он умышленно избегал популярных приемов. Его язык был современным, но не продвинутым. Да он и сам нашел нужное слово: «простота». Именно «в простоте и богоугодной искренности», а не

^[12] Глубоковский Н.Н. Благовестие св.апостола Павла по его происхождению и существу. (Спб., 1910. Кн.2.), 882-884.

«по плотской мудрости» благовествовал он, уповая не на убедительность человеческой аргументации, а на действие «благодати Божией» (2 Кор. 1:12).

Это-то и вызвало недовольство коринфян, а затем стало предметом нападок пришедших в Коринф лжеапостолов, говоривших о Павле, что «речь его незначительна». Слово, которое они употребляли — εἰσοθητιμῆνος (презрена). В пересказе «Живой Новый Завет» это выражено так: «Вы никогда не слышали худшего проповедника!».^[13]

При этом следует отметить, что красноречие тогдашних ораторов было таким, что даже не знавшие греческого языка слушатели могли получать удовольствие от их выступлений: они завораживали интонациями, звучностью голоса и ритмом речи. По этим стандартам апостол выглядел, по меньшей мере, жалко. Он был «невеждой в слове», с чем охотно соглашался (2 Кор. 11:6). Греческое ἰσώτης означает необразованного и некомпетентного человека, любителя.

Зачем он делал это? Павел сам дает несколько ответов, при этом все они сочетаются в особой гармонии, объясняя и дополняя друг друга:

- *Чтобы не упразднить креста Христа* — 1 Кор. 1:17
- *Чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом* — 1 Кор. 1:29
- *Чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией* — 1 Кор. 2:5
- *Чтобы избыточная сила была приписываема Богу, а не нам* — 2 Кор 4:7

^[13] *The Living New Testament* (Wheaton Il.: Tyndale House Publishers, 1967).

^[14] Litfin. *An Analysis of the Church Growth Movement*, 64–65. См. также Michael A. Bullmore and Duane A. Litfin, *St. Paul's*

Обобщая все, можно сказать: его целью было не привести как можно больше людей ко Христу, не изменить мир, не использовать по максимуму свои таланты и возможности, а воздать наибольшую славу Богу! Именно Ему она должна принадлежать, а не успешному методу, растущей церкви, одаренному лидеру или расходящейся миллионными тиражами книге.

Поэтому Павел делал все возможное, чтобы не уподобиться профессиональным ораторам. Литфин отмечает:

Буквально в десятках мест в писаниях Павла, где он описывает свой стиль проповеди, апостол скрупулезно пользуется языком глашатая (εὐαγγελίζω, κηρύσσω, καταγγέλω, μαρτυρέω), языком, которому нет места в риторической литературе, поскольку он описывает нериторическое поведение.^[14]

Отнести эти глаголы к своим речам не позволил бы себе ни один уважающий себя оратор того времени.

Был ли Павел эффективен в своем методе? Обвинения лжеапостолов дают основания для заключения, что они были намного успешнее, во всяком случае, в Коринфе (см. 2 Кор. 4:1-5). А он был гоним и презираем. Несмотря на основанные во многих местах церкви, он терзался сомнениями и был полон страхов. Каждый новый город требовал от него подвига и великого дерзновения (1 Фес. 2:2). В Коринфе же его состояние было настолько близко к тому, чтобы оставить благовестие, что Сам Христос явился ему со словами: «Не бойся, но говори и не умолкай» (Деян. 18:9).

Theology Of Rhetorical Style: An Examination of I Corinthians 2.1-5 In Light Of First Century Graeco-Roman Rhetorical Culture (San Francisco: International Scholars, 1995), 210-211.

И все же он избрал простое воззвание, потому что только так мог быть уверен, что результаты его труда принесут славу Богу, а не ему. Впрочем, это было не только решение Павла, но и воля Самого Иисуса Христа, Который открыл ее как Своему апостолу, так и Церкви целым рядом способов.

Божий замысел

◆ О том, что таким был Божий замысел, а не просто решение Павла, свидетельствует, согласно его утверждениям, следующее.

Во-первых, таково было повеление Иисуса Христа, направившего апостола на служение. Он послал его «благовествовать не в премудрости Слова». Вряд ли можно с точностью сказать, когда прозвучало это напутствие, однако несомненно, что оно исходило не из мировоззрения или опыта Павла, а из уст Самого Спасителя. Отсутствие «премудрости слова» было тем обязательным условием, с которым посланник должен был сообщать весть Пославшего. Она должна была быть понятной для слушателей (почему вестник и стремился для всех сделаться всем), но не привлекательной самой в себе.

Богу было благоугодно спасти верующих «юродством проповеди». Большинству современных читателей едва ли понятно, что в проповеди может быть юродивого. Проповедники нашего времени — мастера слова, плоды их творчества вызывают не насмешки, а уважение и восхищение слушателей. Поэтому важно понимать значение термина, употребленного Павлом. Он противопоставляет свою «проповедь» речам тогдашних ораторов. Слово κηρύγμα буквально переводится как «провозглашение», а также «возвеще-

ние» или «объявление», то есть просто донесение сведений без предварительного облечения их в риторическую оболочку. Это, например, речь глашатая, объявляющего правительственный указ. В сравнении с красноречием искушенных соперников Павла его «сообщения» выглядели весьма невзрачно, но именно таким способом Богу было благоугодно спасти верующих!

Во-вторых, сама весть Евангелия является безумием для мира. По крайней мере, таковой она была в глазах тех, к кому обращался апостол. Иудеи, помнившие многие славные дела своей истории, требовали чудес, проявлений силы, вроде «знамения с неба» (Мк. 8:11; Лк. 11:16). Утонченные эллины искали прекрасного, в особенности возвышенных рассуждений. А Бог обратился к ним с вестью о распятии — воплощении беспомощности и неэстетичности. Ведь крест был самым ужасным и отталкивающим, что только мог вообразить себе человек того времени. Унизительная и позорная казнь, зрелище голого человека, дергающегося в предсмертном отчаянии на гвоздях. Это ли сила и изящество? Только Божий Дух мог убедить в истинности такой вести, и только Богу могла быть за это слава.

Павел не только оправдывает свой стиль, но и представляет его как единственно приемлемый в очах Бога. Его манера проповеди была основана на основополагающем принципе Божьей работы в мире. В Своей мудрости Бог решил совершить величайший труд через средства, которые мир находит слабыми, глупыми и даже отталкивающими, так чтобы в конце не возникло вопроса кому принадлежит заслуга. Крест иллюстрирует этот принцип на самом основополагающем уровне.

В-третьих, призванные, то есть церковь, также являются зримым подтверждением избранной Богом стратегии. «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1:27). Наибольшее посвящение почти всегда обитало в слабых и немощных овцах Божьего стада. Бедных мира Бог избрал быть богатыми верой. Нищие

шности. Эпиктет, например, высоко отзывался о человеке, который мог «привлекать внимание простого народа одним своим внешним видом». Мы также знаем описание Павла из Деяний Павла и Феклы, как «человека низкорослого, лысого, с ногами кривыми и коленями торчащими, с бровями сросшимися и носом длинным». Неказистый вид Павла тоже явился одной из причин нападков.^[15]

*Апостол Павел категорически отверг риторический стиль.
 Он отказался от поиска «убедительных слов»,
 с помощью которых мог бы «насадить» веру в коринфянах,
 а рассудил быть не знающим ничего, кроме распятого Христа.*

вдовы оказывались самыми жертвенными. Простые оказывались самыми радушными, а смиренные — исполненными благодати. Конечно, были и богатые, и знаменитые. Но много ли их было, и подлинная духовность в их среде — частое ли явление? Божье благоволение было таково, что он «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11:25).

Наконец, *в-четвертых*, сам Павел стал живым воплощением того, о чем он проповедовал. Богу недостаточно было верить ему Евангелие. Он представил миру апостола, как непосредственную иллюстрацию вести о распятом Христе. Проповедь о кресте подкреплялась внешним впечатлением, которое производил Его апостол. Тимоти Сэвэдж пишет по этому поводу:

Мы знаем из наших исследований первого века, что люди античности придавали огромное значение вне-

Другим, еще более ярким подкреплением «слова о кресте» была судьба проповедника. В Коринфе он проповедовал «в немощи, и страхе, и в великом трепете» (1 Кор. 2:3). В Галатии его преследовало «искушение во плоти» (Гал. 4:14), в Филиппах он пострадал и был поруган (1 Фес. 2:2), впрочем, как и во множестве других мест. Обстоятельства своей жизни он сам выразил в одной фразе: «Я каждый день умираю» (1 Кор. 15:31). И как забыть перечисление злоключений Павла в 2 Кор. 11:23-29? Замечательное исследование в этой области провел Скотт Хейфман. Он, в частности, пишет:

Решение Павла проповедовать только «Иисуса Христа, и притом распятого» подтверждалось не только стилем его проповеди, но и тем, как он появился, и как выглядел в Коринфе... Немощь Павла вместе с отказом проповедовать «в убедительных словах человеческой мудрости», способствовала тому, что вера коринфян «утверждалась... на силе Божией». На этом фоне

[15] Timothy Savage, *Power Through Weakness: Paul's Understanding Of The Christian Ministry In 2 Corinthians* (New York: Cambridge University Press, 1996), 65.

1 Кор. 4:8-13 раскрывает, как «не-мощь» Павла в ее различных проявлениях подтверждала его весть о кресте.^[16]

Жизнь Павла была наглядным пособием того, о чем он проповедовал. Распятый Христос ясно проявлялся в том, каким невзрачным и несчастным выглядел Его слуга. Для наилучшего раскрытия «слова о кресте» Бог судил глашатаю быть «как бы приговоренным к смерти», сделаться «позорищем для мира» (1 Кор. 4:9). Относится ли это к одному Павлу? Он сам говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4:16). Разумеется, не в нашей власти быть или не быть гонимыми. Однако, как отмечает Хейфман:

Взгляд Павла на себя должен побудить нас, особенно как христианских руководителей, молиться об обновлении желания пострадать ради других и, в верности Божьему призванию, быть ведомыми через скорби ради Евангелия. Только так познание Бога посредством креста и Духа откроется всем поколениям.^[17]

Возвращаясь к Павлу, следует обратить внимание на то, что наибольшего развития мысль о его немощи, как отражении Христова креста, достигла в 2 Коринфянам, где об этом говорится едва ли не на каждой странице. Хейфман усматривает многократное структурное повторение великого отрывка 1 Кор. 4:9-13 во 2 Коринфянам: 2:14-17;^[18] 4:17-14; 6:4-10. Суть проста: Христос распят в немощи, но жив силою Божьей, так и Павел немощен

в Нем, но сила воскресшего Христа действует через него.

Майкл Ноуз подтверждает эту мысль, исследуя этот вопрос во 2 Коринфянам и применяя его к христианскому мировоззрению в целом:

Павел... сосредотачивается на конце жизни Иисуса, рассматривая Его распятие и воскресение в качестве категорий, определяющих основную модель или архетип христианской духовности, ученичества и служения.^[19]

Он был притесняем, но не стеснен, находился в отчаянных обстоятельствах, но не отчаивался, его огорчали, а он всегда радовался, будучи нищим, он многих обогащал, ничего не имея, он всем обладал. В его теле и во всей жизни отражалась мертвость Иисуса Христа, он производил внешне такое же впечатление, как и распятый Спаситель, позорно выставленный на глумление толпе, бессильно висящий и страдающий. Но как величие и чудо Божьей силы восставило Христа из мертвых, так та же сила могущественно действовала в Павле, совершая через него благое действие в мире, так что смерть действовала в нем, а жизнь — в тех, кому он служил.

Вершиной изложения этой истины стало упомянутое выше откровение, в котором Господь, отвечая на троекратную молитву Павла об избавлении от жала во плоти, сказал: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор.

^[16] Scott Hafemann, *Suffering And Ministry In The Spirit: Paul's Defense Of His Ministry In II Corinthians 2:14-3:3* (Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans, 1990), 56.

^[17] Scott Hafemann, *The NIV Application Commentary: From Biblical Text — To Contemporary Life* (Grand Rapids, Mich.: Zondervan Pub. House, 2000), 125.

^[18] Хейфман доказывает, что понятие «торжествовать» следует понимать, как описание не победителя, а пленника, ведомого в триумфальной процессии, что соответствует слову «позорище» в 1 Кор. 4:9

^[19] Michael P. Knows, *We Preach Not Ourselves. Paul on Proclamation* (Grand Rapids, Mich.: Brazos Press, 2008), 15.

12:9). Вот ответ! Божье дело совершает не наша одаренность, не успешно подобранный метод, не грамотно разработанная стратегия, а Его благодать! Не Павел трудился, а благодать, которая была с ним! И для действия этой благодати было лучше, чтобы сосуд был глиняным, служитель был немощным. Сэвэдж поясняет:

Таким образом, мы можем увидеть логику, лежащую в основе парадоксального понимания Павлом христианского служения. На вопрос: «Почему Божья слава *должна* открываться в человеческом позоре?» апостол отвечает: «Потому что только так *может* проявиться Божественная сила.^[20]»

Другие особенности стиля Павла

◆ Здесь следует сделать важное замечание, чтобы, с одной стороны, развеять сомнения, а с другой, не впасть в крайность. Был ли Павел равнодушным и бесчувственным глашатаем Божественной истины? Разумеется, нет. Он был готов передать тем, кому свидетельствовал, не только благовестие Божье, но и свою душу (1 Фес. 2:8). Движимый любовью и жертвенностью, он для всех сделался всем (1 Кор. 19-23). Однако речь здесь идет о том, что Павел всеми силами старался сделать Евангелие понятным и доступным, а не подстраиваться под вкусы и прихоти аудитории. Он стремился *донести*, а не *убедить*.

Конечно же, он хотел, чтобы его слушатели уверовали, однако избегал использования технологий убеждения,

рассчитанных на подталкивание и давление. Иначе он попросту узурпировал бы власть, принадлежащую Божьему Духу.

Обратим теперь взгляд на 2 Коринфянам, как на апологетическое послание, ответ критикам, как раз, судя по всему, широко использовавшим продвинутые методы того времени. В этом послании нет прямых указаний на заблуждения оппонентов Павла, что наводит на мысли, что они лишь немного доктринально склонялись к иудаизму, но в целом оставались в пределах христианской ортодоксии. Проблема была не в их учении, а в их поведении и методах работы.

Замечательная отповедь Павла о его служении в 2 Кор. 2:17 и 4:2 содержит в себе намек на то, как обращались со Словом его оппоненты.

«*Мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе*» (2 Кор. 2:17). Несмотря на многогранное значение слова «повреждаем» (κατὰ λέγοντες), практически все толкователи сходятся во мнении, что оно описывает поведение торговцев на базаре, расхваливающих свой товар и всячески пытающихся привлечь покупателей, что подтверждают и древние тексты.^[21] Иными словами, Павел говорит: «Мы не торгуем Евангелием, не стремимся впихнуть его как можно большему числу людей, не создаем ему рекламу». Вместо этого апостол употребляет картину распространения благовония. Он был орудием, через которое Бог распространял благоухание познания о Себе во всяком месте (2 Кор. 2:14). Одни принимали этот запах с радостью, и он служил им во спасение. Другим он казался отвратительным, и они озлоб-

^[20] Savage, 169.

^[21] См. Hafemann, *Suffering And Ministry In The Spirit*, 98–125

лялись на носителя. Но в задачи Павла не входило ни убеждать людей, что этот запах на самом деле хороший, ни изменять состав благоуханного вещества. Он не занимался продажей, он лишь распространял аромат, проповедуя не как перед людьми, а как «перед Богом».

Как не вспомнить здесь Джорджа Барна, одного из самых популярных теоретиков церковного роста! Вот что он говорит:

Большинство церквей не растут не из-за отсутствия желания и даже не из-за отсутствия средств. Истина такова: мы просто не усвоили основных принципов маркетинга и не применили их к церкви. Возможностей для успешного церковного маркетинга множество... Ключ к маркетинговому определению — быть насколько возможно конкретнее в выборе целевой аудитории, которой вы продаете продукт.^[22]

Есть ли что-то греховное в маркетинге? Если не брать во внимание некоторых не вполне порядочных его представителей, то, пожалуй, нет, как и в случае с риторикой. Товар нужно продавать и рекламировать. Но Евангелие — не товар. Пытаясь продать продукцию, производитель не рассчитывает, что вы посвятите ей свою жизнь и будете готовы за нее умереть. Он лишь предлагает товары и услуги, делающие земную жизнь легче и приятнее. Евангелие же указывает на жизнь вечную, путь к которой далеко не всегда легок и приятен. Карлу Барту принадлежит великое заявление:

^[22] Georg Barna, *Marketing The Church* (Colorado Springs, Colo.: Navpress, 1988), 40-42.

^[23] Цитируется по David Wells, *No Place For Truth, Or, Whatever Happened To Evangelical Theology?* (Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1993), 60.

Божье Слово не продается и потому не нуждается в искусственных торговцах. Божье Слово не ищет клиентов и потому отвергает уценки и скидки. Божье Слово не конкурирует с другими товарами, которые предлагаются людям из расчета. Оно не стремится быть проданным за лю-

Апостол Павел всеми силами старался сделать Евангелие понятным и доступным, а не подстраиваться под вкусы и прихоти аудитории. Он стремился донести, а не убедить.

бую цену. Оно лишь желает остаться чистым, неискаженным и неизменным... Успех промоутеров — фальшивая победа; их многолюдные церкви и многотысячные залы не имеют ничего общего с Божиим Словом.^[23]

В самом маркетинговом подходе скрыт серьезный изъян, о котором говорит Майкл Ноуз:

Наблюдая сокращение церкви, как общественного института, в конце прошлого века и массовый исход из общин, западные церкви стали прибегать к маркетингу положительных аспектов христианской веры, надеясь завлечь новых (или бывших) членов обещаниями духовного процветания. Но, как и с любой маркетинговой стратегией, этот подход требует сопутствующего сокрытия всего, что может быть сочтено негативным или непродуктивным для церковного роста. Вовлекшись в многолюдную торговлю, мы обрезали христианское Евангелие до средства достижения само-

реализации и личного удовлетворения.^[24]

В результате, как констатирует Хейфман:

Поход в церковь теперь больше похож на поход в супермаркет, чем на совместную семейную встречу. Как во времена Павла, так и теперь самыми популярными проповедниками становятся те, кто дает людям, что они «хотят», при этом используя религиозный язык и тем самым утверждая их в собственной самоуверенности.^[25]

О том же печальном явлении говорит Дэвид Уэллс:

В церкви дуют сильные ветры со стороны круга религиозных потребителей, ждущих, что церкви и служители будут удовлетворять их нужды, и быстро обращающихся в другие стороны, если им что-то не нравится. В основном эти потребители желают угодить себе любимым, но им хочется, чтобы это было в евангельской обертке. По-настоящему библейское и Богоцентричное служение почти наверняка столкнется с таким стяжательским и человекоцентричным взглядом, столь нередким во многих евангельских церквях. Столкновения происходят в душе служителя и за счет его карьеры.^[26]

Вряд ли это было проблемой для противников Павла. Еще один меткий намек содержится в 2 Кор. 4:1–2: «...Мы не унываем; но, отвергнув скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя

совести всякого человека пред Богом». В Новом Русском Перевод^[27] фраза «скрытные и постыдные дела» переведена как «нечестные методы», что более соответствует контексту. Они явно чувствовали себя свободно, пользуясь средствами манипулирования и хитрыми приемами влияния.

Но особого внимания заслуживает выражение «не искажая слова Божия» (2 Кор. 4:2). Искажать (δολόω) происходит от существительного δόλος, буквально означающего наживку для ловли рыбы, насаживаемую на крючок. То есть, Павел не пытался использовать Слово Божье в качестве приманки! Напротив, в 2 Кор. 2:14, в 2 Кор. 4:2 им употреблены однокоренные слова: φανερούμε и φανερώσει, переведенные как «распространяет» и «представляем». Значение этих слов — открытое провозглашение, выставление напоказ.^[28] Только таким и может быть подлинное христианское свидетельство.

Размышление о плодах

◆ Настоящее исследование носит критический характер. Тем не менее, нельзя отрицать ряда положительных результатов, которые принес «современный стиль». Это, прежде всего, внимание, уделяемое благовестию. Если церковные «маркетологи» расходятся с Павлом в вопросах методов и форм, то они больше многих приверженцев традиционности похожи на него в страстном желании достичь неверующих. И, хотя мотивы и побуждения останутся тайной до пришествия Христа, нельзя не отметить,

^[24] Knows, *We Preach Not Ourselves*, 90-91.

^[25] Scott Hafemann, *The NIV Application Commentary*, 121.

^[26] Wells. *No Place For Truth*, 256.

^[27] Международное Библейское Общество,

Новый Перевод на Русский Язык, 1151.

^[28] См. Murray Harris. *The Second Epistle To The Corinthians: A Commentary On The Greek Text* (Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co.; 2005), 325.

что хотя бы внешне они могут быть примером усердия и вовлеченности. Однако есть, по меньшей мере, три горьких плода, которые нельзя оставить без внимания.

Первым следует поставить то, чего опасался Павел, и что, к сожалению, происходит повсеместно: слава воздается не Богу, а человеку. Получателя-

из жизни и служения церкви. И теперь только от нашей находчивости, сообразительности, предприимчивости и умения зависит успех. Работает уже не Бог, а технология! Будь то концертно-музыкальные шоу, слаженная команда, руководитель, умело применяющий на практике нужное число законов лидерства — все упира-

*«Божье Слово не продается и потому не нуждается в
искушенных торговцах. Божье Слово не ищет
клиентов и потому отвергает уценки и скидки.
Божье Слово не конкурирует с другими товарами,
которые предлагаются людям из расчета. Оно не стремится
быть проданным за любую цену. Оно лишь желает остаться
чистым, неискаженным и неизменным».*

ми этой славы могут быть отдельные люди, а также определенная церковь, движение, метод. Мегацирквы становятся местами паломничества, объектами более или менее удачного копирования. И уже не столько Библия руководит жизнью восхищенных подражателей, сколько книга кумира. Церкви и служители, не делающие ничего суперсовременного, а просто и верно служащие Богу, остаются в тени. Впрочем, так и должно быть, потому что только Бог достоин славы. Если служитель и церковь не выглядят немощными в очах мира и не осознают в глубочайшем смирении своей полной духовной нищеты, то они уже забирают себе то, что должно принадлежать Богу.

Следствием этого и вторым плодом современного стиля является то, что Стэнли Хейрвот и Уильям Уиллимон назвали «практическим атеизмом». Этот вид атеизма заключается в порой неосознанном убеждении, что Бог, дав нам все необходимое, самоустранился

на человеческую способность. Бог — уже не Тот Бог, Который совершает Свой труд через немощных людей, Который вложил сокровище в глиняные сосуды и Кто спасает юродством. Теперь Он спасает профессионализмом на всех уровнях. Теперь, если вы хотите, чтобы вас послушали, вы должны быть образованным и успешным, привлекательно выглядящим и идущим в ногу со временем. Успех вашего служения зависит не от Бога, Его Слова, молитв, обращенных к Нему, а от всестороннего анализа, грамотного планирования и эффективной стратегии. Церковные библиотеки переполнены руководствами по лидерству, написанными изначально не для христиан, а для менеджеров и руководителей светских организаций. Что это, если не мудрость мира? Дэвид Уэллс пишет:

Получается так, словно мы верим, что, хотя Библия богодухновенна, она, все же, не подходит для задач, стоящих перед церковью в наше

время! Словно Бог, вдохновляя Свое Слово, не знал, что будет происходить в конце двадцатого столетия! Результатом этой небесной близорукости стало то, что мы остались с чем-то неподходящим для современности... Именно то главное, что мы утратили, мы должны теперь восстановить в первую очередь. Это трепетное, даже тревожное сознание присутствия Бога в нашей среде. Он больше не может быть второстепенным участником наших религиозных мероприятий и никогда не должен быть декоративным украшением нашей церковной жизни. Потому что сейчас Бог настолько несуществен в деятельности церкви, что она чувствует себя вправе достигать успеха собственными средствами. Поэтому многие из наших предшественников в вере с трудом распознали бы в нас своих детей.^[29]

Поскольку такая вера утверждается не на силе Божьей, а на мудрости человеческой, то и качество многих быстрорастущих церквей можно подвергнуть определенному сомнению.

Наконец, третьим горьким плодом стало разочарование и тоскливое отчаяние многих служителей. Наслушавшись оптимистичных и зажигающих идей, они попытались осуществить их у себя в церквях, но так ничего и не сумели, и ничего не получили, кроме внутреннего ощущения, что ради успеха, так и не достиг-

нутого, они поступились чистотой, истиной, верой. Посеянные популярными книгами надежды не сбылись, работающие в других местах технологии оказались бесполезными. Если бы им ничего не обещали, не хвалились многотысячными церквями, не предлагали легкого пути к успеху, то не было бы и этой тягучей боли, чувства собственной ущербности, сомнений в своем призвании, желания все бросить и, наконец, жуткой мысли о том, что Бог тебя не благословляет, не слышит, не любит.

Но это не Бог Библии, а тот страшный, бесчувственный идол, которого Уильям Джеймс остро назвал «стервозной богиней успеха» (*bitch goddess of success*).^[30] Это результат ложных, завышенных ожиданий, потерянных ориентиров, надежды на человека.^[31]

Заключение

◆ Понимание апостолом Павлом сущности христианского служения побуждает к серьезному пересмотру попыток строить жизнь церкви на основании методов и технологий. Будучи детьми века развлечений, мы неосознанно делаем акцент на создании правильной среды вместо того, чтобы полагаться на Святого Духа, Который призывает людей к покаянию. Мы обращаемся к мудрости человеческой вместо того, чтобы уповать на Христа и Его труд. Ожидаем не действия живого Бога, а профессиональных действий обученных со-

^[29] David Wells, *The Bleeding Of The Evangelical Church* (Edinburgh: Banner Of Truth Trust, 1995), 10, 13.

^[30] Kent Hughes and Barbara Hughes, *Liberating Ministry From The Success Syndrome* (Wheaton, Ill.: Tyndale House Publishers, 1987), 10.

^[31] Качество многих быстрорастущих церквей тоже можно подвергнуть определенно-

му сомнению. Др. Дуэйн Литфин, оказавший мне честь личной беседой, сравнил их вербами (*Willow trees*), которые быстро и пышно вырастают, но живут недолго и непрочны. Испытание временем в этом отношении показывает многое, впрочем, окончательно все откроет Господь, «Который и осветит скрытое во мраке» (1 Кор. 4:5).

трудников, умело управляющих жизнью церкви и организующих насыщенные мероприятия.

Пример Павла рождает вопрос: почему мы ставим перед собой иные задачи, чем он? Почему вместо того чтобы подчеркивать собственную немощь, мы пытаемся создать имидж современных, преуспевающих людей?

человеческой изобретательности, демографических исследованиях и семинарах на тему «Как достичь...». С каким увлечением мы ищем уловки, чтобы привлечь людей в церковь и не дать им уйти! А между тем наше поклонение должно служить признанию, отражению, провозглашению и распространению Божьей славы!^[32]

Мы обращаемся к мудрости человеческой вместо того, чтобы уповать на Христа и Его труд. Ожидаем не действия живого Бога, а профессиональных действий обученных сотрудников, умело управляющих жизнью церкви и организующих насыщенные мероприятия.

Ведь, как и в его случае, цель нашего служения — не в достижении численного роста, но в содействии росту надежды на силу Христову, зная, что дающий благодать получит и славу, что и является Божьей целью во всем. Рон Ман, пастор поклонения, выводит верное заключение:

Нашей наивысшей мотивацией во всех делах, как верующих, должна быть Божья слава (1 Кор. 10:31)... Если это справедливо в отношении повседневной жизни, то насколько более важно иметь ту же перспективу, когда речь заходит о труде церкви. Человеческие теории, техники, идеи, системы, вкусы, структуры — все должно быть подчинено всеобъемлющей страсти славы Божьей. Как быстро мы забываем, чей это труд, чья церковь, чье богослужение! Как быстро начинаем искать поддержки откровению Писания в

Не настало ли время снова обновить завет с Богом по примеру ветхозаветного Израиля? Вспомнить три протестантских столпа, исключаящие смешение Божьего с человеческим, духовного с плотским, необъяснимого с предсказуемым. Переосмыслить их важность в свете современности, заново применить в жизни и служении. Эти столпы не забыты в умах, но едва ли сохранились на практике: *Sola Scriptura, Sola Fides, Sola Gratia*. Они так же актуальны, с той только разницей, что вместо преданий теперь Писание заглушается премудростью маркетологов; туда, где должно быть упование на Бога, пришла надежда на методы и формы; роль благодати заняла стратегия. А между тем, только на этих столпах может быть достигнута и утверждена высшая и конечная цель — *Soli Deo Gloria*.

^[32] Ron Man, *Soli Deo Gloria. To Him Be Glory in the Church* (Viewpoint 4/1 2000), 5.

Библиография

- Barna, Georg. *Marketing The Church*. Colorado Springs, Colo.: Navpress, 1988.
- Bullmore, Michael A., and Litfin, A. Duane. *St. Paul's Theology Of Rhetorical Style: An Examination of I Corinthians 2.1-5 In Light Of First Century Graeco-Roman Rhetorical Culture*. San Francisco: International Scholars, 1995.
- DeSilva, David Arthur. *An Introduction To The New Testament: Contexts, Methods & Ministry Formation*. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 2004.
- Litfin, Duane A. "An Analysis of the Church Growth Movement." *Reformation and Revival*, 7, 1998.
- Hafemann, Scott J. *Suffering And Ministry In The Spirit: Paul's Defense Of His Ministry In II Corinthians 2:14-3:3*. Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans, 1990.
- Hafemann, Scott J. *The NIV Application Commentary: From Biblical Text – To Contemporary Life*. Grand Rapids, Mich.: Zondervan Pub. House, 2000.
- Harris, Murray J. *The Second Epistle To The Corinthians: A Commentary On The Greek Text*. Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co.; 2005.
- Hughes Kent R., and Hughes, Barbara. *Liberating Ministry From The Success Syndrome*. Wheaton, Ill.: Tyndale House Publishers, 1987.
- Knows Michael P. *We Preach Not Ourselves. Paul on Proclamation*. Grand Rapids, Mich.: BrazosPress, 2008.
- Litfin, Duane A. *St. Paul's Theology Of Proclamation: 1 Corinthians 1-4 And Greco-Roman Rhetoric*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Savage, Timothy B. *Power Through Weakness: Paul's Understanding Of The Christian Ministry In 2 Corinthians*. New York: Cambridge University Press, 1996.
- Schwarz, Christian A. *Natural Church Development: A Guide To Eight Essential Qualities Of Healthy Churches*. Carol Stream, IL: ChurchSmart Resources, 1998.
- Shawchuck, Norman, eds. *Marketing For Congregations: Choosing To Serve People More Effectively*. Nashville: Abingdon Press, 1992.
- Wells, David F. *No Place For Truth, Or, Whatever Happened To Evangelical Theology?* Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1993.
- Wells, David F. *The Bleeding Of The Evangelical Church*. Edinburgh: Banner Of Truth Trust, 1995.
- Глубоковский, Н.Н. *Благовестие св.апостола Павла по его происхождению и существу*. Спб., 1910. Кн.2.
- Международное Библейское Общество. *Библия. Новый Перевод на Русский Язык*. Минск: Принткорп. 2007.

